

О «ВЫМИРАНИИ» НАРОДОВ¹ (ЕВРОПЕЙСКИЕ СЛУЧАИ)

И.В. Кузнецов

Последние два десятилетия в связи с ростом национальных движений, этнонационализма среди ряда групп населения России, приводящим иногда к вооруженным конфликтам, особенно на Кавказе, особую значимость приобретает теоретизация сущности этнического (по терминологии советских лет – этноса). В науке в отношении этой проблемы наметилось, по крайней мере, две позиции: одна из них представлена сторонниками традиционной веры в незыблемость этнических общностей-наций (примордиалистская), вторая объединяет тех, кто исследуют свой объект в исторической перспективе, подчеркивая его исторический, преходящий характер (конструктивистская).

Наиболее последовательные конструктивисты сводят проблему исчезновения целых этнических образований к деконструкции соответствующего дискурса, не отличая подобные случаи от рутинной, если можно так выразиться, ассимиляции. Однако если ассимиляция постепенно и незаметно для внешнего глаза завершается т.н. языковым сдвигом (language shift) и (или)

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00008). Организация, через которую осуществляется финансирование – Кубанский государственный университет.

утратой первоначальной этнической идентичности, то «вымирания», напротив, обычно ждут. Вначале отдельным энтузиастам, в их числе – антропологи, миссионеры, журналисты и проч., а затем и широким слоям окружающего (или живущего бок о бок) большинства, становится известно о существовании неких «последних из могикиан», оставшихся от их соседей, которые самими своими судьбами сигнализируют, что этот процесс уже запущен.

В фокусе мировой науки давно находятся политики культуры и идентичности, а проблема взаимодействия [антропологической] науки и власти убедительно помещена в общий контекст постколониальной критики. В частности очень близкими по духу представляются эссе теоретика и историка антропологии, покойного Джорджа Стокинга мл., например, его «*Anthropology as Kulturkampf*», «*Philanthropoids and Vanishing Cultures: Rockefeller Funding and the End of the Museum Era*» и «*Sol Tax and the World Mission of Liberal Democratic Anthropology*» (Stocking, 1992; 2000). Эту традицию исключительно вдумчивых и богатых на детали рассуждений об антропологии и колониализме, о конструировании образа «коренных» (туземцев) и исчезновении культур продолжают выпуски 7–9 в издающейся Висконсинским университетом (Мэдисон), вначале под редакцией самого Стокинга, а теперь Р. Хандлера, серии «*History of Anthropology*» (НОА, 7; 8; 9).

Из отдельных сторон интересующего нас здесь процесса, наиболее хорошо исследован вопрос об исчезновении языков. В последние несколько десятилетий масштабы этой проблемы, до сих пор ощущаемой, пожалуй, лишь лингвистами и борющимися за свое сохранение лингвистическими меньшинствами, начали приобретать общегуманитарный характер. Так Майкл Краусс (Университет Аляски-Фэрбанк), широко известный своими исследованиями атапаскских языков, привел как-то следующую статистику (Krauss, 1992, pp. 5–6): В списке Граймс («*Ethnologue*»), наиболее полном на сегодняшний день, значится 6500 языков существующих и вымерших, и только в течение этого столетия ок. 3000 из них могут оказаться вымершими. В ряде стран, особенно там, где коренное население, представленное лингвистическими

меньшинствами, существует в окружении какого-либо из европейских доминирующих языков, процесс вымирания языков идет особенно угрожающими темпами. Так, из 187 языков коренных американцев США и Канады 80 % вымирают, из 250 языков австралийских аборигенов опасности вымирания подвергаются 90 %, 45 из 65 языков малых коренных народов России, т.е. 70 %, также находятся на грани исчезновения.

В России указанным аспектом проблемы занимаются в частности крупный специалист в области языков народов Севера Н.Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге), кавказовед А.Е. Кибрик (МГУ) и некоторые другие. Необходимо упомянуть также об усилиях по составлению сводных описаний и каталогов языков, нуждающихся в особой охране. По аналогии с Красной книгой МСОП, куда заносятся вымершие, исчезающие и редкие виды животных, Тапани Салминен (Хельсинки), при участии и под эгидой ЮНЕСКО, начал составление Красной книги ЮНЕСКО угрожаемых языков (*endangered languages*). Салминен выделяет 4 статуса языка: угрожаемый, серьезно угрожаемый, почти исчезнувший и исчезнувший. Им соответствуют 94 языка Европы.

Перенос внимания с «вымирающих» этнических общностей на т. н. угрожаемые языки симптоматичен и отражает общую растерянность академического сообщества *«на фоне параллельного роста скепсиса в отношении натуралистических и эссенциалистских трактовок народов, наций, государств и других социальных категорий»* (Соколовский, 2008, с. 72). Тем не менее, операционально мы принимаем здесь факт «смерти» языков за индикатор процесса «вымирания» соответствующих народов.

Текущая повестка российской науки уделяет, на наш взгляд, недостаточно внимания такому драматическому развитию ситуации. Кажется, первая серьезная попытка разобраться в том, насколько рассуждения об исчезновении коренных малочисленных народов соответствуют действительности, принадлежит еще С.К. Патканову. Этот демограф заключал, что *«бродячие инородцы страны в своей массе уменьшаются в числе, причем, чем теснее они приходят в соприкосновение с европейской культурой,*

тем быстрее и интенсивнее совершается процесс их обеднения, вырождения и вымирания» (Патканов, 1911, с. 179–180). При этом он подчеркивал, что, во-первых, народы Севера (речь именно о них) вымирают не повсеместно, а лишь там, где сохраняются самые плохие жизненные условия; во-вторых, в лучшем положении оказываются группы, наиболее подвергшиеся аккультурации, и, в-третьих, непосредственными причинами такого вымирания часто являются эпидемии и случаи голода (там же, с. 180–181).

Менее чем через сто лет акцент существенно поменялся, и современный демограф Д.Д. Богоявленский (2005), списывая на европоцентризм тогдашней науки зловещий прогноз ученых предшествующих поколений о неизбежном исчезновении «диких народов» при столкновении с «белой цивилизацией», пришел к выводу в духе поистине соломоновых решений, что *«с демографической точки зрения вымирание народов Севера в XX столетии можно <...> считать «мифом». Вместе с тем, дальнейшее снижение рождаемости вполне может привести к их настоящей депопуляции»* (Богоявленский, 2005, с. 55, 61).

Даже такой крупный отечественный этнолог (антрополог), как С.В. Соколовский, специально занимающийся общей теорией этничности и проблемами коренных малочисленных народов, считает, что за их «вымиранием» стоят просто ассимиляция и колебания в численности «аборигенных» сообществ, вовсе не обязательно вызываемые естественной убылью, но также сменой классификационных принципов в государственном учете населения. Он тоже склонен говорить о существовании «мифа о вымирании коренных малочисленных народов» (Соколовский, 2009а, с. 52) и видит истоки этого «мифа» в гердеровском *Volkgeist* – взгляде на природу народов, в соответствии с которым они представляются самостоятельными «организмами» и, следовательно, подвержены «рождению» и «смерти» (Соколовский, 2009б, с. 321–322).

И, таким образом, как будто бы снимается острота, по крайней мере, общественное звучание, проблемы. Отстаиваемый нами взгляд существенно отличается и противоречит установке на то, что мы имеем дело лишь с бесконечной чередой смены идентичностей.

Разумеется, внимание к ассимиляции народов, исчезающих «прямо на глазах», носит исключительно давний характер, и следы его можно отыскать уже у античных авторов, ср. рассуждения «отца истории» Геродота о пеласагах, в которых греки видели коренное население Эллады:

«Если же судить по теперешним пеласагам, что живут <...> в городе Крестоне <...>, и затем – по тем пеласагам, что основали Плакию и Скиллак на Геллеспонте <...>, а также и по тем другим городам, которые некогда были пеласгическими, а позднее изменили свои названия. Итак, если, скажу я, из этого можно вывести заключение, то пеласги говорили на варварском языке. Если, стало быть, и все пеласгическое племя так говорило, тогда и аттический народ, будучи пеласгическим по происхождению, также должен был изменить свой язык, когда стал частью эллинов. Ведь еще и поныне жители Крестона и Плакии говорят на другом языке, не похожем на язык соседей» (Геродот. I, 57).

В этом исключительно емком пассаже содержатся все основные элементы, на основании которых мы можем судить сегодня о характере процессов, протекавших в V в. до н.э.: языковой сдвиг, в результате которого пеласги постепенно перешли на диалект древних греков, а, в конце концов, и сменили свою этническую идентичность, став их частью.

Однако в складывании современного дискурса «вымирания» особо значительную роль должны были сыграть три группы событий, происходивших в Старом Свете, начиная приблизительно с кон. XVII в., а именно массовое исчезновение кельтского населения на Британских о-вах, онемечивание т.н. полабских и поморских славян и ассимиляция уралоязычных этнических анклавов в Европейской России и Балтийских землях. Эти процессы разворачивались на фоне возникновения английского, шотландского, немецкого, великорусского и проч. национализмов, а затем т.н. кельтского и угро-финского возрождений, и прочно засели в соответствующих национальных идеологиях и историях, литературе романтизма, политических и правовых концепциях.

На Британских о-вах столетия доминируют англоязычные нации, но, по общему мнению, языковые предки кельтов появились там ранее германоязычных англо-саксов. Сохранившиеся от некогда многочисленной кельтской группы языки принято подразделять на две группы: гойдельскую, на языках которой говорят гэлоязычные шотландцы-горцы (Highlanders, 58,7 тыс. чел. – перепись 2003 г.) и гэлоязычные ирландцы (260 тыс. чел. – перепись 1983 г.) и британскую с валлийскоязычными уэльсцами (508 тыс. чел. – перепись 1991 г. [Languages of United Kingdom]) и бретоноязычным населением, проживающим на противоположном берегу Ла-Манша во Франции. Сейчас все они – лишь островки в окружении англоязычного, а в Бретани франкоязычного большинства.

Шотландцы низовий (Lowlanders), в отличие от горцев, по крайней мере, с нач. XV в. пользовались английским языком в местной форме (Scots). Но в двух соседних низовых районах на западе Шотландии – Галлоуэй и Каррик – местный гэльский все же сохранялся до нового времени. Если верить одной семейной истории, пересказанной неким Д. Мюррэм-Лайоном (1876) со слов его двоюродной бабки Джин Мак-Мюррэй (ум. 1836), то последней носительницей этого *низового диалекта шотландского гэльского* могла быть их дальняя родственница Маргарет Мак-Мюррэй (ум. 1760), которая родилась на маленькой ферме Култезрон (Cultezron) ок. Мэйбоула в графстве Эйршир. Фермой, само название которой очевидно носит следы кельтского происхождения (< гэльск. Cul Tigh Eobhain ‘сзади дома Эвана’), владело несколько поколений Мак-Мюррэев. Позже, англицизовавшись, они сменили свою фамилию на Мюррэй (Lorimer, 1949–1951, vol. 6, pp. 113–136; vol. 7, pp. 26–46).

Население крайнего юго-запада о-ва Британия – Корнуолла – некогда говорило на одном из бретонских кельтских языков – *корнском* (Cornish). *«Природа своим плечом задвинула Корнуолл в отдаленнейшую часть королевства и так осадила его океаном, что [превратила] полуостров в остров»*, – писал в 1602 г. местный корнский антиквар Ричард Кэрю (Stoyle, 1996, p. 300). К 1200 г. Корнуолл все еще оставался в основном кельтским, здесь

не было никаких крупных городов, а модель расселения характеризовалась сильной дисперсностью, и подавляющее большинство населения по-прежнему говорило по-корнски. В 1497 г. жители графства дважды восставали против Генриха VII и в 1549 г. против религиозной политики Эдуарда VI, отказавшись принять английский перевод молитвенника («Книги общих молитв»). Это последнее восстание было жестоко подавлено – вырезали ок. 4 тыс. чел. В Английскую гражданскую войну корнуольцы выступили на стороне роялистов против Парламента. Революционеры относились к ним резко отрицательно, как к природным вора́м и попрошайкам: в одном из памфлетов 1644 г. утверждалось, что у королевских командиров *«имеются французы, чтобы насилловать, валлийцы, чтобы воровать, [и] корницы, чтобы грабить»* (Ibid., pp. 299, 303, 311).

С этого времени жители Корнуолла массово англицизировались, но в сельских районах на самой западной оконечности полуострова, благодаря устойчивым связям с родственным по языку населением французской Бретани, корнский какое-то время еще удерживался среди местных. В качестве последних носителей этого языка называют несколько кандидатур. Историк Корнуолла д-ру Уильяму Борлэйсу удалось разыскать в дер. Гвитиан могилу Честон Маршан, умершей якобы в возрасте 164 лет (в 1676 г.), которая, возможно, была последней, кто пользовался одним только корнским (моноглотткой) (Jenner, 1904, 16). В отличие от нее торговка рыбой Дороти (Долли) Пентрит (1692–1777) знала также еще и английский. Она жила на территории прихода св. Павла, ок. Маусхоула, где и была похоронена. Долли Пентрит стала предметом легенд за ненависть ко всему английскому. Согласно одной из них, ее предсмертными словами были: *«Me ne vidn cewsel Sawznek!»* («Не буду говорить по-английски!»). Англоговорящие соседи же, напуганные ее проклятиями, видели в ней ведьму. В 1860 г. племянник Наполеона Луи Люсьен Бонапарт поместил памятный знак в ее честь на церковной ограде (Spriggs, 2004).

Однако собиратель фольклора Д. Баррингтон вроде бы располагал информацией, что и в 1779 г. на корнском мог изъясняться

40-летний Джон Нанкарроу из дер. Маркет-Джю по соседству; а другой краевед, преподобный Р. Полуил, настаивал, что автор известной эпитафии по Долли Пентрит, инженер из Труро с фамилией Томпсон, говорил по-корнски еще лучше нее. Другой альтернативной кандидатурой по отношению к монструозной даме выступал рыбак Уильям Боденор (ум. 1794), также из Маусхоула, выучивший этот язык ребенком и знавший его, судя по всему, достаточно, чтобы написать на нем письмо (Jenner, 1904, p. 21). Следующие в этом ряду – Уильям Мэттьюз (ум. 1800) из Ньюлина ок. Пензанса (Filppula, Klemola, Paulasto, 2008, p. 163), Энн Уолис (ум. 1841), Энн Берриман (1766–1854) из Босуэднэка, Джейн Бэрникоут (ум. 1857). Правда, скорее всего, они являлись, в соответствии с современной терминологией, полуносителями корнского.

Но «последним из последних» мог быть Джон Дэйви (1812–1891), у которого записан небольшой оригинальный фольклорный текст на корнском (Matthews, 1892, pp. 404–405). Считается, что он пытался поддерживать корнский живым разговорным, разговаривая со своей кошкой. Но есть определенные сомнения, хорошо ли он владел этим языком, и, возможно, последним настоящим носителем его являлся не сам Дж. Дэйви, а его отец. Наконец, появились сообщения, что по-корнски, по крайней мере, в детстве, могли разговаривать еще и Джэкоб Кэр из Сент-Айвза (ум. 1892), Элизабет Винго из Мэдрона (ум. 1903), Джон Мэнн (род. 1834), Элисон Треганниг (ум. 1906). И даже в 1940-е гг. рыбаки в Зап. Пенвите использовали корнскую считалку при определении размера улова.

В настоящее же время, после долгой паузы, предпринимаются попытки возродить (нео)корнский язык. Основываясь на небогатой средневековой корнской литературе, бретонском и валлийском материале, Генри Дженнер и Роберт Нэнс попробовали искусственно «вернуть» в школы и масс-медиа т. н. UC/Unified Cornish («единый корнский»). Существуют и другие попытки реконструкции: КК/Kernewek Kemmyn («общий корнский»), UCR/Unified Cornish Revised («пересмотренный единый корнский») и т.д. Вокруг легитимности разных вариантов (нео)корнского идут

ожесточенные споры. Тем не менее, в разной степени языком в этих вариантах уже владеют до 3,5 тыс. чел., и ок. 300 чел. свободно на нем говорят. По решению Британского правительства разработана система мер, защищающих язык Корнуолла в рамках европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств (Filppula, Klemola, Paulasto, 2008, pp. 162–164).

Бессмысленно рассматривать языковой сдвиг, а, в конце концов, и ревитализацию кельтской речи в Корнуолле, как чисто лингвистическое явление в отрыве от протекающих там этнонациональных процессов. В этом нас убеждают рассуждения Г. Дженнера, стоявшего у истоков (нео)корнского:

«Почему корнцы должны учить корнский? <...> Вопрос справедлив, а ответ прост. Потому что они – корнцы (Cornishmen). <...> [К]аждый корнец достаточно хорошо знает, <...> что он – кельт и куда менее «англо-сакс», как и любой гэл, кимр, мэнец или бретонец. Язык менее всего является окончательной проверкой на расу (a final test of race). Большинство корнцев обычно говорят по-английски, и лишь немногие, очень немногие, способны провести пять минут в разговоре на старой кельтской речи. <...> Но нечто подобное можно сказать и о весьма значительной части валлийцев, ирландцев, шотландских горцев, мэнцев и бретонцев. <...> Причина, почему корнец должен учить корнский, внешнее и слышимое проявление своей отдельной национальности (separate nationality), сентиментальна и ни в коей мере не практична, но если все сентиментальное изгнать из мира, то он не был бы таким приятным местом, каким является. Выйдет ли что-нибудь из корнской части кельтского движения, еще предстоит увидеть <...>» (Jenner, 1904, pp. xi–xii).

Дольше корнского продержался еще один кельтский язык гойдельской группы – мэнский (Manx). Население о-ва Мэн всегда отличалось от англоязычного большинства своей экономикой, основанной на рыболовстве. Но в 1880–1900-х гг. мэнкс перестал быть языком островной общины, уступив место английскому. Об

этом, как о национальной трагедии писал британский писатель, мэнец Холл Кэйн, современник тех событий:

«Наш мэнский язык быстро вымирает. <...> На мэнском мало говорят. Его все еще можно услышать в таких удаленных деревнях, как Крегнеш, Баллауг, Кирк Майкл и Кирк Андреас. <...> Будут считать, что мэнский народ сам несет ответственность за смерть мэнского языка. Это верно отчасти. Мэнскую речь сочли за препятствие в общении с англичанами. Затем началась огромная английская иммиграция, и остров Мэн стал курортом. То было судным днем для мэнского. В следующие двадцать пять лет мэнский язык вымрет, как и мэнская сельдь. <...> Когда он умрет, уйдет больше половины всего, что делает нас мэнцами (Manxmen). Наша индивидуальность потеряется, разрушен будет великий барьер, что отделяет нас от других народов» (Cain, 1891, pp. 125–128).

Слова эти, звучащие в унисон вышеприведенной дженнеровской цитате, демонстрируют примечательные вещи. Оба автора, будучи идеологами, не настаивают, однако, чтобы каждой «отдельной национальности» соответствовал свой особенный язык, что было бы типично для XIX в. – нач. XX в., но признают, что в их собственных конкретных случаях фактор языковой общности «менее всего» определяющий. В этой ситуации концептуально они вынуждены были противопоставлять государству-нации Англии не свои «малые нации» (little nation – Х. Кэйн), т.е. Cornishmen, Manxmen, а некое кельтское единство, лингвистическое или даже расу, в этом смысле разводя части антитезы по разным эпохам – донациональной и национальной.

Последним носителем мэнского языка обычно называют Эдварда (Неда) Мадрелла (ок. 1877–1974). Он воспитывался именно в «удаленной деревне Крегниш», где говорить по-мэнски еще не считалось чем-то зазорным, не как в городах. Исключительную роль в вытеснении этого языка на социальный низ сыграла Англиканская церковь, как раз в 1770-е гг. сменившая свою политику с поддержки мэнского на его запрет (Broderick, 1999, pp.

16–22). Видимо, в детстве Нед все же обладал определенными знаниями английского, но потом научился мэнскому у двоюродной бабушки. Другие в то время также продолжали пользоваться этим языком, но как вторым, разучив в более позднем возрасте. В 13 лет Нед ушел в море. Чтобы поддерживать язык живым разговорным, он общался с моряками, знавшими ирландский гэльский. В 1950-е гг. на острове оставалось лишь два носителя местного языка. После смерти Сэйдж Кинвиг (ок. 1870–1962) Мадрелл оказался в одиночестве (Miller, 1993). Он помогал исследователям в деле сохранения мэнкс, попробовав в 1948 г. записать свою речь латиницей, правда, непрофессионально. Мадрелл с большим удовольствием обучал Лесли Квирка (1914–2004) и Брайана Стауэлла (род. 1936), которые задумали возродить мэнский. В случае с Квирком повторяется история, как с последними «аутентичными» корнуолльцами. Возможно, Квирк и стал последним носителем мэнского. Споры идут о том, кто из них больше подходит на роль последнего моноглота. Л. Квирк тоже научился языку еще в детстве у своей бабушки, но вроде бы в возрасте более позднем, чем Мадрелл. Возможно, где-то в эмиграции кто-то из мэнцев продолжал говорить по-мэнски и позже. По непроверенным данным один такой человек умер в Чикаго в 1980-е. На самом же острове после некоторого перерыва в поколениях началось искусственное возрождение местного языка. В 1930–1950-е гг. образовалась группа энтузиастов, переросшая в общество «Yn Cheshaght Ghailckagh». Движение за возрождение принесло результаты. По переписи 1991 г. на острове было уже 643 говорящих, 343 пишущих, 479 читающих на этом языке, в основном в столице Дуглас, а также в городах Ончан, Брэддан и др. С 1992 г. язык начали преподавать и в школах.

Судьба целого ряда языковых и этнических анклавов на континенте напоминала описанные выше кельтские случаи. В княжестве Ганновер (совр. немецкая земля Нижняя Саксония), т.е. значительно западнее основного славянского ареала, проживала группа со своим т.н. полабским (западнославянским) языком, которую немцы называли *вендами*. К сер. XVIII в. этот анклав,

естественными географическими границами которого служили топи и густые леса, горный массив Дравен на востоке и р. Эльба (Лаба) на западе, был поглощен окружающим населением, говорящим по-нижненемецки. Оно воспринимало вендов как язычников, и, похоже, что исчезновению последних предшествовал период истребительных войн и ассимиляции части их предков в далеком прошлом. В соседнем Мекленбурге сохранился документ XIII в., которым предписывалось, что поступающие в цех работники должны были доказывать свое неславянское происхождение. В полабском одно и то же слово обозначало 'благородного человека' и 'немца', а термин *вендский* – 'простолюдина' (Иванова-Бучатская, 2006, с. 16, 42).

Перед тем, как этот язык окончательно вымер, записью фольклорного материала на нем занялись различные собиратели, в числе которых был и один из полабских славян, правда, оставивший после себя всего лишь 13 страниц текста. Трактирщик и фермер «венд» Иоганн Парум Шульце (ум. 1740) из Люхова, восточнее Ганновера вел дневник. В 1725 г. он написал:

«Мне сорок семь лет. Когда я и трое других из нашей деревни уйдем, никто не будет знать наверняка, как по-вендски называют собаку».

Последняя носительница этого языка Эмеренц Шульце скончалась в 1756 г. Но и ок. 1780 г. в деревнях Люхова оставалось еще 10 стариков, скрывавших свое славянское происхождение, но разговаривавших между собой на смеси из немецких и славянских слов, а последний, кто владел полабским хотя бы частично, умер в 1825 г. (Иванова-Бучатская, 2006, с. 43).

На соседнем участке балтийского побережья, вследствие *Ostsiedlung* тоже онемеченном – в Померании (Поморье), между оз. Гардно и Лебским оз. – среди кашубов сохранялась маленькая группа, предки которой еще в XVI–XVII вв. приняли лютеранство (кашубы вместе с поляками – католики). В XIX в. Александр Федорович Гильфердинг, увлеченный идеей славянского единства и занятый сохранением не только полабских славян, но и этих, определил их, как словинцев (*«несколько жалких остатков*

народа, бывшего сильным в средние века, поселян и рыбаков, которые именуют себя безразлично Словинцами, Кашубами и Поляками») (Гильфердинг, 1868–1874, т. 1, с. 58–59). К нач. XX в. прежде двуязычные *словинцы*, говорившие дома на своем померанском (западнославянском) языке, резко отличавшемся от польского и менее от кашубского, видимо, почти перешли уже на нижненемецкий, но их умирающий язык успел описать Фридрих Лоренц (Lorentz, 1903, 1905, 1908–1912).

После перехода в 1945 г. Поморья под контроль Польши и последующей массовой польской колонизации, словинцев лишили земельных прав, и они вынуждены были искать прибежища в Зап. Германии. В 1947 г. в 5 поморских деревнях их насчитывалось всего 445 чел., и в последующее десятилетие несколько стариков фрагментарно еще помнили словинский язык (Comrie, 2002, p. 762). Но эмиграция продолжалась, и к 1976 г. на территории Словинского нац. парка оставались всего одна словинская семья Кётш в деревне Клуки (Клукен), да 6 словинок из семей Шиманке, Чирр и Пиотер, у которых были польские мужья, в окрестных деревнях (Ткаcz, 1998, ss. 159–172). В 1980-е гг. практически все словинцы покинули Польшу, и, по всей видимости, полностью ассимилировались с немцами.

Случай словинцев, как и вендов, показывает, что в какой-то момент внутреннюю готовность к печальному итогу начинают демонстрировать не только соседи «вымирающего» сообщества, по крайней мере, те из них, кто вовлечен в дело его сохранения, но и сами его представители. Тот же Гильфердинг описывал это так:

«Эти бедняки предвидят сами, что их язык и обычаи должны скоро исчезнуть, и сознаются уже, что об них не будет помину лет через двадцать. Они утешают себя пророчествами. Я слышал, как один старик предвещал близкую кончину мира, которая наступит, по его словам, как скоро Словинский или Польский язык исчезнет с лица земли; и он находил веру в своих слушателях» (Гильфердинг, 1868–1874, с. 58–59).

Интересно, что эта эсхатология лишь отчасти нашла подтверждение в фактическом развитии событий. Предсказанная

Гильфердингом дата – кон. 1870-х гг. (он посетил словинцев в 1855–1857 гг.) – примерно на век приближает «вымирание» словинцев и на четверть века исчезновение их языка. Главную угрозу славянофил видел в их германизации, но в XX в. толчком к полному исчезновению словинцев стала дискриминация со стороны поляков. В других случаях мрачные прогнозы вообще не сбылись. Например, все тот же автор сетовал по поводу судьбы мазуров:

«Подчиненная, подобно Славянам протестантам в Померании, влиянию духовенства и образованного сословия, состоящих из Немцев, эта ветвь Польского племени исчезнет, вероятно, в течение нынешнего столетия» (там же).

Но ок. 5 тыс. мазуров, прошедших все те же испытания, что и словинцы (объявление их Volksdeutsche нацистами, эмиграция значительной массы в Зап. Германию и проч.), до сих пор проживают на своих землях в бывш. Вост. Пруссии.

Уралоязычные *ливвы*, которые сами себя называют *kalamied* ('рыбаки') и *rāndalist* ('береговые жители'), несколько столетий назад населяли Курляндский п-ов (Курземе) и районы между р. Зап. Двина и Юж. Эстонией. Как и в других описанных случаях, их отделяла широкая полоса лесов и болот от большинства, занимавшего внутренние районы (латышей) (Видеман, 1870, с. 4).

Часто ливвы воспринимаются соседями и воспринимают себя сами, в качестве автохтонов – ниоткуда не пришедшего населения. Другая черта этих представлений – убежденность в реликтовом характере, особой древности их культуры:

«...[О]ткрываешь любой справочник или учебник и видишь поразительную несправедливость. Даже под фотографией настенных росписей из Салцских пещер подпись: «Письмена древних латышей». Но ведь здесь жили только ливвы, да и сами пещеры до сих пор носят название «Ливские». Или после раскопок на месте Риги восстановили одежду жителей поселка. Говорят: «Это костюм древних латышей». Но ведь он же ливский! Как свидетельствуют археологи и антропологи, Рига чисто ливское место! И так во всем» (Незнакомая родная речь, 1998).

О начавшемся у ливов языковом сдвиге свидетельствовали уже авторы XVII в. Так Гиерн (1670–1675) писал, что они, по крайней мере, *«на салисском берегу и на полоске к Лемзалю, вокруг Перниеля, Наббена и Вайнзеля, все более и более (почти ежедневно) начинают говорить по-латышски, потому что... богослужение свое должны отправлять на латышском языке. Латыши боятся их волшебства»*. Обвинения в волшебстве сохранялись еще и в XIX в.: отмечалось, что ливы просто так бросали свои лодки, поскольку латыши из-за суеверного страха не решались их красть (Видеман, 1870, с. 69, 110). По данным, собранным акад. Ф.И. Видеманом, ливский начал исчезать со *«страшной быстротой»* где-то после 1828 г. (там же, с. 76–77): финский этнограф Андреас Шёгрэн (1846) смог отыскать на восточном берегу Рижского залива всего 22 носителей восточно-ливского диалекта. С конца XIX в. ливы удержались лишь в 12 наиболее удаленных деревнях на севере Курляндского п-ова (Мазирбе, Мелисилс, Колка, Вайде и др.).

В 1835–1860 гг. численность этой группы колебалась в пределах 2–3 тыс. чел. До 2 тыс. их бежало из Курляндии в годы I мировой войны, спасаясь от немецкой оккупации. Вследствие этого, а также усилившейся летгизации (идея плебисцита 1923 г. о создании Ливского церковного прихода с правами национального округа не нашла поддержки у латышского правительства), размер популяции продолжал резко сокращаться: в 1925 г. – 1238 чел., в 1935 г. – 844 чел. В июне 1941 г. ливов коснулась массовая депортация, проведенная советской оккупационной властью, и к 1943 г. в Латвии их оставалось лишь 455 чел. На ливской части побережья Балтийского моря и Рижского залива был введен режим пограничной зоны. В поселках ливов и в непосредственной близости разместили военные части. В результате коллективизации рыбная ловля сконцентрировалась в больших центрах (Вентспилс, Колка и Роя), из маленьких поселков выход в море был вообще запрещен.

По данным Всесоюзной переписи 1959 г. численность ливов снизилась опять вдвое (200 чел.), перепись 1970 г. их вообще не учитывала, а по переписи 1979 г. их оставалось всего

107 человек. Последняя советская перепись (1989) дала такие цифры: всего в СССР – 226 ливов, из них в самой Латвии только 135 чел. В 1991 г. правительство Латвии признало ливский одним из двух автохтонных языков Латвии, наряду с латышским. Возрождением ливского занимается Лив(он)ский культурный центр (Līvõ Kultūr Sidām). Язык преподается в университетах Латвии, Эстонии и Финляндии. Но меры эти пока не привели к существенному сдвигу. Своим родным языком 92 % ливов назвали латышский, 8 % – русский.

Единственной женщиной с родным ливским в те годы оставалась Паулина Клявиня (1918–2001), но она с 1949 г. проживала вне родины. 28 февраля 2009 г. умер последний из таких мужчин-ливов – Виктор Бертольд (1921–2009). Он родился в Риге, во II мировую войну эмигрировал в Аргентину и учился там на врача в Университете Буэнос-Айреса; затем работал в США, переехал оттуда в Швецию, а в последнее время поселился в Лугано (Швейцария), поддерживая тесные связи с ливскими организациями Латвии. Последней настоящей носительницей ливского являлась, по-видимому, Гризелда Кристиня, проживавшая в Канаде (1910–2013) (Ernštreits, 2012; Grizelda ir Devusies, 2013; Paulīne Kļaviņa, 2006; Viktors Bertholds, 2009).

Водь, за которыми также закрепился ярлык колдунов и неисправимых язычников, представляли собой еще один уралоязычный анклав в сев.-зап. части исторической Ингерманландии (Ленинградская обл.). По переписи 1926 г. в СССР их насчитывалось 705 чел., из которых 684 назвали своим родным языком водский. В 1930-е гг. для водского языка не было создано письменности, вместо этого обучение в школах велось на ижорском языке. Следующим испытанием стали сталинские репрессии и война. Начиная с послевоенного времени, преподавание в школах было переведено полностью на русский. К 1990 г. численность води упала до 200 чел., к 2002 г. – до 73 чел., в 2011 г. настоящих носителей водского оставалось 6–10 чел. (Heinsoo, Kuusk, 2011, p. 172).

Западный диалект до 1990-х гг. бытовал в пяти деревнях Кингисеппского района, но ныне сохранился только в двух – Краколье и

Лужицы; дер. Пески слилась с Лужицами; в дер. Межники последняя женщина-водь умерла в 1993 г.; в дер. Котлы в 1990-е жители еще понимали отдельные слова водского языка, но сейчас полностью русифицированы, последней носительницей языка там была Мария Боранова (Эрнитс, 2008, с. 219). Последней носительницей восточного диалекта и блестящим информантом-водь являлась Фёкла Васильева (ум. 1972), которой принадлежат следующие слова:

«В нашей деревне было много води. Все умерли. Теперь осталась только я одна» (Хейнсоо, 1995, с. 174; Конькова, 2009, с. 207).

Водь внесены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (2008), но попытки возродить водский язык (с 1994 г. – курсы в Санкт-Петербурге, преподавание водского в ср. школе Краколя), по-видимому, не дали ощутимых результатов.

Следующий случай – *кревины*, в которых видят потомков водских военнопленных, в сер. XV в. переселенных ливонскими рыцарями в район г. Бауски в совр. Латвии (термин *кревин(э)* – от латыш. *kriews* ‘русские’). В 1846 г. их посетил опять-таки А. Шёгрэн. Приходской староста представил ему 7 последних человек, которые еще владели кревинским – третьим диалектом водского языка: 6 женщин и Миккеля Заузаиса – *«старика высокого сложения с длинным лицом, длинным носом и высоким лбом»*. В другом месте этнограф привел весь список последних кревинов: Заппе (жена Заузаиса), Дарте Парейц, Заппе Парейц, Заппе Брикауцки, Анна Дунтавс, Ильца Кринск, Крист Дравенек и его жена Мадде, Анна Лика. Исследовав ситуацию сохранности языка и подробно описав их внешний вид, в частности особый кревинский костюм, А. Шёгрэн заключал:

«Прошлою зимою умер последний Кревинг в Витвенгофских владениях, и затем в настоящее время, кроме исчисленных выше, не существует больше Кревингов – разумеется, если под этим названием разуметь таких людей, которые, хотя бы одною только одеждою, сколько-нибудь отличались бы от остального местного населения. Иначе, людей только происходящих от Кревингов, конечно, насчитывается еще множество. Так, я сам знал в городе Бауске одного писаря,

которого мать была Кревинянка, с молодых лет переселившаяся в Бауск, но уже не понимавшая по-кревингски и давно бросившая кревингский наряд. Этот же писарь говорил мне еще про одного старика, по имени Дзеббена (Dsibben), который приходился ему дядею, жил в лесниках в Ней-Раденском имени и умел еще говорить по-кревингски. Насколько было ему известно, старик этот был еще жив, и он полагал, что его только забыли. Если принять это показание, то полное число всех существовавших еще в прошлом лете Кревингов будет одиннадцать человек: трое мужчин и восемь женщин» (Sjögren, 1849; Видеман, 1872, с. 24–25).

Эта крохотная группа полностью исчезла уже к концу XIX в. Из материалов Ф.И. Видемана ясно, что и кревины воспринимались окружающим большинством, как особенно «суеверный» народ.

Наконец, еще несколько случаев «вымирания» представляют саамы, или лопари. Эти северные финоязычные оленеводы, выделяющиеся своими антропологическими чертами (лопаноидный тип), сохранились преимущественно во внутренних районах северной Скандинавии и российского Кольского п-ова (собственно и составляющих Лапландию, или Страну саамов), в окружении куда более многочисленных шведов, норвежцев и русских, по языку индоевропейцев, но также соседями саамов являются финоязычные финны и карелы. Саамы никогда не составляли политического единства и подразделялись на территориальные общины (*сыйта*), по 70–300 чел. каждая, названия которых связаны с наименованием погостов (селений и окружающих угодий). Им соответствовали и особые языки. По переписи 2002 г. общая численность всех саамских групп в РФ составила 1991 чел. Из них *аккала*, или бабинские саамы насчитывают ок. 100 чел. Последней носительницей этого языка была Марья Сергина (ум. 2003) (Шеллер, 2010, с. 17–23).

Сходная участь в ближайшее время ожидает и самую восточную саамскую группу – *тер*, или терских саамов. В конце XIX в. имелось 6 терско-саамских деревень, население которых составляло ок. 450 чел. Их традиционной экономике, основанной на полукочевом оленеводстве, нанесла удар советизация. С 1924 г. советская власть

стала проводить коллективизацию, начались репрессии «кулаков», у саамов отобрали зимние пастбища взамен новых центральных усадеб колхозов. Крупнейшую тер-саамскую дер. Йоканьга сселили в поселок Гремиха (ныне город), в котором позже разместили военную базу. Терский (йоканьгский) язык никогда не преподавали в школе. В 2004 г. оставалось лишь 100 терских саамов, из которых только 10 чел. старшего возраста говорили на родном языке, а остальные перешли на русский. В 2010 г. число носителей этого языка сократилось до 1–2 чел. (там же, с. 22).

Во многом близкие случаи отмечены и с другой стороны, в непосредственной близости от российской границы имперского времени: Еще один восточно-саамский язык, *кеми-сами*, на котором говорили в деревнях вокруг Куусамо самой южной части финской Лапландии (тогда Российская империя) вымер более 100 лет назад. В 1829 г. кеме-саамские деревни Куоляярви и Сомпио посетил Якоб Фельман и записал краткий словарь умирающего языка. Два языка южных саамов – *пите-сами*, или *арьеплог* (на р. Пите в Швеции) и *уме(ууме)-сами* (на р. Уме, там же) – находятся на грани исчезновения сейчас, насчитывая не более 10 носителей каждый.

Итак, самые ранние интересующие нас случаи фиксируются в Старом Свете еще в XVII в., но сведения о «вымирании» тех или иных малых народов на континенте, увы, продолжают поступать вплоть до сегодняшнего времени (ср. ситуацию ливов, води, некоторых групп саамов и др.). У всех этих историй есть нечто общее: в них активнейшую роль играют ранние краеведы, как У. Борлэйс, либо национально ориентированные этнографы и фольклористы, как А. Шёгрэн и А.Ф. Гильфердинг, или литераторы-просветители, как Х. Кэйн. Их роль двояка. Во-первых, стремление как-то предотвратить столь губительный процесс, спасти для будущего уходящие элементы культуры, как им казалось, бесценные, выливалось у них каждый раз в поиски живых реликтов – последних носителей языков (*the last native speakers*) и одиночек, ведущих еще «традиционный» образ жизни. Инсайдерство этих деятелей делало подобные усилия весьма результативными, хоть и излишне настойчивыми – порой обнаруживалась целая линейка

из конкурирующих «последних», как в Корнуолле. Но все равно, именно благодаря такой подвижнической деятельности перед нами продолжают представлять «персонифицированные» образы исчезающих народов. Наблюдатели этого особого типа сообщали процессу «вымирания» необходимые детали, можно сказать, влияли на его протекание, в каком-то смысле предопределяя своими трагическими ожиданиями его результат.

Во-вторых, никто иные, как они формулировали соответствующий дискурс, предстающий в развернутом виде, например, в ответе Г. Дженнера на вопрос о том, зачем надо изучать корнский (см. выше). Еще одна черта, повторяющаяся от Корнуолла до Поморья, заключается в том, что представления о неотвратимости «вымирания» могли даже предшествовать самому этому процессу, не говоря уже про его итоги. Такие примеры, кажущиеся пророчествами, на самом деле выдают дискурсную природу происходящего: «миф о вымирании» достигает своей цели всегда вовремя, будучи вполне самодовлеющей, живущей своей жизнью системой понятий и суждений, накопившихся за весь предшествующий период и продолжающих пополняться при активном участии всех тех, кто его слагает.

И несколько слов о том, какие народы вымирают. Первое, что бросается в глаза, так это то, что все они живут на окраинах соответствующих национальных государств. Далее, границы между ними и большинством, носят скорее реальный, а не воображаемый характер. Очень часто – это либо остров, либо территория, окруженная со всех сторон естественными преградами. Во многих случаях вымирающие малые народы резко отличаются от соседей хозяйственным укладом, своим мелкомасштабным характером в смысле не только размеров этих сообществ, но и качеством, уровнем характеризующих их социально-политических отношений, которые в целом можно определить, как донациональные. В довершении многие из них представляют собой стигматизированные группы. Все эти факторы препятствуют «нормальному», т.е. постепенному и незаметному протеканию ассимиляционных процессов. Однако подлинный эффект от только что перечисленных особенностей еще требует нашего осмысления.

Таблица
Случаи «вымирания» (исчезновения) языков и этнических групп в Европе

№	Группа (язык)	Последние (представители, носители)	Примечания	Исчезли
I. БРИТАНСКИЕ О-ВА:				
1	корниш (корнский)	Джон Мэнн (Mann), 1834–ок. 1914 Элисон Треганниг, ум. в 1906 Джон Дэйви (Davey), 1812–91 Доли Пенрит (Penrith), ум. 1777 Уильям Бодинаг (Bodinar), ум. 1794 Честен Марчант (Chesten Marchant), ум. 1676	п-ов Корнуол: последний носитель яз., компетенция неясна; компетенция неясна; полуноситель; последняя носительница (ок. г. Маусхоул); альтернатива Д. Пенритг; посл. моноглотт (г. Гвитаан). Этн. общн. – ок. 0,5 млн. чел.	1914/ ревиттал.
2	мэнкс (мэнский)	Нед Мадрелл (Madrell), 1877–1974 Сэйдж Кинвиг (Kinwig), ок. 1870–1962 Лесли Квирк (Quirk)	о-в Мэн: последний моноглотт; предпоследняя моноглоттка; альтернатива Н. Мадреллу. Нас. о-ва – 77 тыс. чел.	1974/ ревиттал.
3	галлвекский (гэльский)	Маргарет МакМюррэй (McMurray), ум. 1760	Култэзрон, граф. Эйршир (Шотл.), яз. сдвиг (на англ.); арго т.н. шотл. путешественников (Travellers), яз. сдвиг;	1760 1950-е
4	Beurla Reagaird (гэл. пид-жин)	?	г. Ско на о-ве Анст, яз. сдвиг (на англ.); арго рыбаков; север граф. Дублин (Ирл.), яз. сдвиг (на Hiberno-English); 2 баронии граф. Вексфорд (Ирл.); яз. сдвиг (Hiberno-En.);	ок. 1850 2012 XIX в.
5	норн (старонорвежский)	Уолтер Сазерленд (Sutherland), ум. ок. 1850	г. Ско на о-ве Анст, яз. сдвиг (на англ.); арго рыбаков; север граф. Дублин (Ирл.), яз. сдвиг (на Hiberno-English); 2 баронии граф. Вексфорд (Ирл.); яз. сдвиг (Hiberno-En.);	ок. 1850 2012 XIX в.
6	кромарти (скотс)	Бобби Хогг (Hogg), 1920–2012	г. Ско на о-ве Анст, яз. сдвиг (на англ.); арго рыбаков; север граф. Дублин (Ирл.), яз. сдвиг (на Hiberno-English); 2 баронии граф. Вексфорд (Ирл.); яз. сдвиг (Hiberno-En.);	ок. 1850 2012 XIX в.
7	фингалльский (реликт. англ.)	?	г. Ско на о-ве Анст, яз. сдвиг (на англ.); арго рыбаков; север граф. Дублин (Ирл.), яз. сдвиг (на Hiberno-English); 2 баронии граф. Вексфорд (Ирл.); яз. сдвиг (Hiberno-En.);	ок. 1850 2012 XIX в.
8	йола (реликт. англ. яз.)	?	г. Ско на о-ве Анст, яз. сдвиг (на англ.); арго рыбаков; север граф. Дублин (Ирл.), яз. сдвиг (на Hiberno-English); 2 баронии граф. Вексфорд (Ирл.); яз. сдвиг (Hiberno-En.);	ок. 1850 2012 XIX в.
9	оренье (Auregnais) (ста-рофр.)	?	г. Ско на о-ве Анст, яз. сдвиг (на англ.); арго рыбаков; север граф. Дублин (Ирл.), яз. сдвиг (на Hiberno-English); 2 баронии граф. Вексфорд (Ирл.); яз. сдвиг (Hiberno-En.);	ок. 1850 2012 XIX в.
10	валлийский романи (инд. яз.)	?	г. Ско на о-ве Анст, яз. сдвиг (на англ.); арго рыбаков; север граф. Дублин (Ирл.), яз. сдвиг (на Hiberno-English); 2 баронии граф. Вексфорд (Ирл.); яз. сдвиг (Hiberno-En.);	ок. 1850 2012 XIX в.
11	романичал (инд. яз.)	?	г. Ско на о-ве Анст, яз. сдвиг (на англ.); арго рыбаков; север граф. Дублин (Ирл.), яз. сдвиг (на Hiberno-English); 2 баронии граф. Вексфорд (Ирл.); яз. сдвиг (Hiberno-En.);	ок. 1850 2012 XIX в.

II. Финские и славянские меньшинства:				
1	аккала-саами (бабинский)	Марья Сергина, ум. 2003	Кол. п-ов (Росс.): посл. нос., этн. общность – ок. 100 чел.; этн. общность (<i>теп</i>) – ок. 100 чел.; Куусамо (Фин.): этн. общность также исчезла; р. Пите (Швеция); р. Ууме (Швеция); Лен. обл. (Росс.): р-н Копорья; посл. носитель. вост. д-та. 1993	2003
2	тер-саами	2 последних носителя (2010)		
3	кеми-саами	?		
4	пите-саами (арьеллог)	не более 10 носителей		после 1829
5	уме-саами	не более 10 носителей		
6	водь/водский	Фёкла Васильева, ум. сер. 1980-х	последняя женщина-восьмидесятилетняя, ум. 1993 в 1990-е еще понимали отд. слова волжского яз. не более 15 носителей (1997)	сер. 1980-х
7	кревинги/кревинский	Миккель Саусаис и 6 женщин (1846)		1993
8	ливь/ливский	22 носителя (1846) Гризеда Кристина (Grizelda Kristina), 1910–2013 Паулина Клявния, 1917–? Виктор Бертольд (Viktors Bertholds), 1921–2009 Рихард Питтш, род. 1915		1990-е
9	курсевики/(ново)куронский		Вост. д-т. Видземе (Лат.); Зап. д-т. Курляндский п-ов (Курземе); Зап. д-т. альтернатива Г. Кристинь, Зап. д-т. Этн. общность – 182 чел. (2007).	1890-е
10	словинцы/словинский	6 женщин из семей Шиманке, Чирр, Пюотер и	Куршская коса: полуноситель. Этн. общность – 9 чел.; Поморье: с. Клуки (Клуken) и окр. польск. деревни; яз. сльвиг (на нем.); этн. общность также исчезла; г. Люхов, восточнее Ганновера: полуноситель; последняя носительница; последний носитель; этн. общность также исчезла.	1980-е
11	венды/полабский	1 полностью словинская семья Кётш (1976) ум. 1825 Эмеренц Шульце, 1668–1756 Йоганн Парум Шульце, 1677–1740		1756/ 1825
III. Проч. случаи:				
1	баски/ронкалезский	Фидела Бернат (Fidela Bernat), 1898–1991		1991
2	евреи Прованса/шувалит	Арман Люнель (Armand Lunel), 1892–1977		1977
3	далматинский	Туоне Удайна, 1823–98		1898
4	ботемский романи (инд. яз.)	?	же исчезла;	1970-е
5	крымск-готы/крымск-готский	?	Чехия. Этн. общность – ок. 100 чел.; п-ов Крым; этн. общность также исчезла;	1790-е
6	куманский	Иштван Варро (István Varró), ум. 1770	Карсаг (Венгрия); этн. общность также исчезла.	1770

Источники и литература

Богоявленский, 2005: Богоявленский Д. Д. Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 55–61.

Видеман, 1870: Видеман Ф.И. Обзор прежней судьбы и нынешнего состояния ливов. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1870 (Записки Императорской академии наук. Т. 18. № 2. Приложение). С. 1–140.

Видеман, 1872: Видеман Ф.И. О происхождении и языке вымерших ныне курляндских кривинов. СПб.: тип. Имп. АН, 1872 (Записки Императорской академии наук. Т. 21. № 3. Приложение). С. 1–118.

Гильфердинг, 1868–1874: Гильфердинг А. Ф. Развитие народности у западных славян // Его же. Собрание сочинений в 4 т. СПб., 1868–1874.

Иванова-Бучатская, 2006: Иванова-Бучатская Ю.В. Plattes land: Символы Северной Германии (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера). СПб.: Наука, 2006.

Конькова, 2009: Конькова О.И. Водь. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009.

Незнакомая родная речь, 1998: Незнакомая родная речь // газ. «Час» (Рига). 1998. № 79 (498).

Патканов, 1911: Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири: статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен: (представлено в заседание Историко-Филологического Отделения 10 марта 1910 г.). СПб.: Изд. Императорской Академии наук, 1911.

Соколовский, 2008: Соколовский С.В. Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу соц. справедливости // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 60–76.

Соколовский, 2009а: Соколовский С.В. Российская антропология: иллюзия благополучия // Неприкосновенный запас. 2009. № 1 (63). С. 45–64.

Соколовский, 2009б: Соколовский С.В. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах. Дисс. на соиск. степени докт. ист. наук. М., 2009.

Хейнсоо, 1995: Хейнсоо Х. Водь и ее этнокультурное состояние // Прибалтийско-финские народы. История и судьба родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 168–182.

Шеллер, 2010: Шеллер, Элизабет. Ситуация саамских языков в России // Языки и культура кольских саами // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское областное книжное издательство, 2010. С. 15–27.

Эрнитс, 2008: Эрнитс Э. Рецензия на: Агранат Т.А. Западный диалект водского языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков // *Linguistica Uralica*. Т. XLIV (2008). № 3. С. 218–223.

Broderick, 1999: Broderick, George. Language Death in the Isle of Man: An investigation into the decline and extinction of Manx Gaelic as a community language in the Isle of Man. Tübingen: Niemeyer, 1999 (Linguistische Arbeiten, Book 395).

Cain, 1891: Cain, Hall. Little Manx Nation. London: William Heinemann, 1891.

Comrie, 2002: Comrie, Bernard; Corbett, Greville G., eds. The Slavonic languages. New York, London: Routledge, 2002 (Routledge Language Family Series).

Ernštreits, 2012: Ernštreits, Valts. Livonian in the 21st century. In: *Études finno-ougriennes* [En ligne]. 2012. No. 44, last accessed 5.11.2015.

Filppula, Klemola, Paulasto, 2008: Filppula, Markku; Klemola, Juhani; Paulasto, Heli. English and Celtic in contact. New York, London: Routledge, 2008 (Routledge studies in Germanic linguistics).

Grizelda ir Devusies, 2013: Grizelda ir Devusies Debesu Ceļos (03/06/2013) [www.livones.net/?lang=en, last accessed 05/11/2015].

Heinsoo, Kuusk, 2011: Heinsoo H., Kuusk M. Neo-renaissance and revitalization of Votic – Who cares? In: *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. Vol. 2 (2011). № 1. Pp. 171–184.

HOA, Vol. 7: Colonial Situations: Essays on Contextualization of Ethnographic Knowledge / George W. Stocking, Jr., ed. Madison: The University of Wisconsin Press, 1991 (series: History of Anthropology. Vol. 7).

HOA, Vol. 8: Volksgeist as Method and Ethic: Essays on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition / George W. Stocking, Jr., ed. Madison: The University of Wisconsin Press, 1996 (series: History of Anthropology. Vol. 8).

HOA, Vol. 9: Excluded Ancestors, Inventible Traditions: Essays toward a More Inclusive History of Anthropology / Richard Handler, ed. Madison: The University of Wisconsin Press, 2000 (series: History of Anthropology. Vol. 9).

Jenner, 1904: Jenner, Henry. Handbook of the Cornish Language Chiefly in its Latest Stages with Some Account of its History and Literature. London: David Nutt, At the Sign of the Phoenix, 1904.

Krauss, 1992: Krauss, Michael. The World's Languages in Crisis. In: *Language*. Vol. 68 (1992). No. 1. Pp. 4–10.

Languages of United Kingdom: Languages of United Kingdom; Languages of Ireland [www.ethnologue.com, last accessed 02/11/2015].

Lorentz, 1903: Lorentz, Friedrich. Slovinzische Grammatik. St. Petersburg: Académie impériale des sciences, 1903.

Lorentz, 1905: Slovinzische Texte. St. Petersburg: Académie impériale des sciences, 1905.

Lorentz, 1908–1912: Slovinzisches Wörterbuch. 2 vols. St. Petersburg, Buchdr. der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1908–1912.

Lorimer, 1949–1951: Lorimer, W.L. The Persistence of Gaelic in Galloway and Carrick. In: *Scottish Gaelic Studies*. Vol. 6 (1949). No. 2. Pp. 113–136; Vol. 7 (1951). No. 1. Pp. 26–46.

Matthews, 1892: Matthews, John Hobson. A History of the Parishes of St. Ives, Lelant, Towednack and Zennor, in the County of Cornwall. London: Elliot Stock, 1892. Pp. 404–405.

Miller, 1993: Miller, Stephen. The Death of Manx from newspaper clipping 1950s. Newsgroup: GAELIC-L (2.09.1993) / <https://listserv.heanet.ie/cgi-bin/wa?A2=ind9309&L=GAELIC-L&T=0&F=&S=&P=943>, last accessed 03/11/2015.

Pauline Kļaviņa, 2006: Pauline Kļaviņa (07/06/2006) [www.livones.net/?lang=en, last accessed 05/11/2015].

Sjögren, 1849: Sjögren, A.J. Bericht über eine im Auftrage der russischen geographischen Gesellschaft während der Sommermonate der Jahres 1846 nach den Gouvernements Livland und Kurland unternommenen Reise zur genauen Untersuchung der Liwen und Krewingen. In: Denkschriften der russischen geographischen Gesellschaft zu St. Petersburg. Bd. 1. St. 16. Weimar: Landes-Industrie-Comptoir, 1849.

Spriggs, 2004: Spriggs, Matthew. ‘Pentreath, Dorothy (bap. 1692, d. 1777)’ / Oxford Dictionary of National Biography, Oxford University Press, 2004 [<http://www.oxforddnb.com/view/article/14692>, last accessed 02/11/2015].

Stocking, 1992: Stocking, George W., Jr. The Ethnographer’s Magic and Other Essays in the History of Anthropology. Madison, Wisc.; London, U. K.: The University of Wisconsin Press, 1992. Pp. 92–113, 178–211.

Stocking, 2000: Stocking, George W., Jr. “Do Good Young Man”: Sol Tax and the World Mission of Liberal Democratic Anthropology. In: Excluded Ancestors, Inventible Traditions: Essays toward a More Inclusive History of Anthropology / Richard Handler, ed. Madison: The University of Wisconsin Press, 2000 (series: History of Anthropology. Vol. 9). Pp. 171–264.

Stoyle, 1996: Stoyle, M.J. ‘Pagans or Paragons?’: Images of the Cornish during the English Civil War. In: The English Historical Review. Vol. 111 (1996). No. 441. Pp. 299–323.

Tkacz, 1998: Tkacz, Violetta. Kluki (Klücken) als Heimat. In: Transodra. No. 18 (Oktober 1998). Ss. 159–172.

Viktors Bertholds, 2009: Viktors Bertholds (25/02/2009) [www.livones.net/?lang=en, last accessed 05/11/2015].